

© 2017 г.

И.Л. БАЧИЛО
М.А. ШМАКОВ

О ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТОВ “ГОСУДАРСТВО” И “ПРАВО” В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Бачило Иллари́я Лавре́нтьевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва, Россия) (E-mail: illaria1@mail.ru).

Шмаков Макси́м Алекса́ндрович – соискатель ученой степени кандидата юридических наук, руководитель юридического департамента компании “Арсенал” (Москва, Россия) (E-mail: mchmakov@yahoo.fr).

Аннотация: рассматриваются проблемы научно-академического исследования трансформации государственно-правовых институтов в условиях цифрового общества XXI в. с учетом объективных причин изменений в понимании смысла концептов “государство” и “право”, поворот внимания научных исследований к проблемам управления в национальном и глобальном масштабе, опыт исследования процессов трансформации на основе применения ИКТ в государственном и правовом строительстве и значение получаемых результатов для правового обеспечения информационной безопасности.

Abstract: discusses the problems of scientific and academic study of the transformation of state legal institutions in conditions of digital-of the new society of the XXI century taking into account objective reasons for the changes in understanding the meaning of the concepts “state” and “law”, turn the attention of scientific research to management problems in a national and global scale, the experience of research of processes of transformation through the application of ICT in the public and legal construction and the value of the results for legal support of information security.

Ключевые слова: Интернет, государство, система власти, право, гражданское общество, правосознание, права граждан и человека, субъективные права, инфраструктура, информационная безопасность.

Key words: Internet, government, system of government, law, civil society, legal awareness, rights of citizens and human, subjective rights, infrastructure, information security.

Об объективных причинах трансформации институтов “государство” и “право”

Проблемы формирования и развития информационного общества и выхода на этап цивилизации цифрового (*digital*) века стали реальностью и требуют постоянного внимания науки, политики, права не только в национальном (государственном) масштабе, но и в глобальном восприятии трансформации общества в целом. Термин “информация” и производные от него понятия (“информационное”, “информационный”) за последние сто лет легко вошли в лексикон и стали привычными для науки, любого вида деятельности и быта человека. Исторический этап развития общества в конце XX – начале XXI в. на основе бурного развития информационных и коммуникационных технологий получил определение “информационное общество”. Что изменяется в этих условиях для общества и индивидуума? Вопрос не простой. Но на него и ряд других есть ответы в новой Стратегии развития информационного общества до 2030 г.

Многие проблемы вызовов информационного общества освещены в процессе национальных и международных конференций, саммитов,

форумов, в учебниках по информационному праву, а также в научных авторских исследованиях и публикациях¹. В данном случае центром внимания являются объективные и субъективные факторы как реперные точки научного и практического освоения уже сформированных правовых проблем и тех, которые нуждаются в особом внимании и определяют векторы развития и безопасности социума на современном этапе.

Объективные факторы формируются тремя константами, тремя китами жизнеустройства социума нашей планеты. Это – пространство, время, массы. Именно они подвержены изменениям в условиях массового (глобального) применения информационно-коммуникационных технологий и информации как Знаний о состоянии, прошлом и возможном будущем основных организационно-правовых институтов социума.

Пространство и время как свойства материального мира, мироздания неразрывно связаны между собой. *Время* – последовательная смена состояния

¹ См.: Бачило И.Л., Полякова Т.А., Антопольский А.А. и др. Об основных направлениях развития информационного общества за 2000–2015 гг. // Гос. и право. 2017. № 1. С. 71–80.

мира, а также явлений, процессов, событий. *Пространство* — это не линейное, а объемное измерение сферы жизни материального мира. Время, считающееся необратимым и вечным, имеет не менее трех измерений: прошлое, настоящее, будущее, — как условно разделяемое и неминуемо связанное течение существования материальных и интеллектуальных форм развития мира. Пространство — также неизмеримый феномен и категория в сфере мироздания, философского и научного его исследования. *Информационное пространство* определяется через сетевую систему коммуникаций Интернет и средств космической связи. Ориентацией для более конкретного определения информационного пространства сегодня служат такие базовые политико-правовые документы, как Стратегия национальной безопасности России, Стратегия развития информационного общества Российской Федерации до 2030 г., Доктрина информационной безопасности и законы Российской Федерации.

Третья константа развития социума — субстанция, формирующая и определяющая наполнение пространства и времени, которая является постоянной, непрерывной и в то же время переменной в той части социума, которая представлена терминами “массы”, “масса”, “народ”, “человечество”. Задача определить понятие “массы” применительно к народонаселению планеты в целом пока не имеет решения. Философы до нашей эры и в ее начале ставили этот вопрос, обозревая те границы (территории), в которых это было доступно. Как правило, рабы, люд низших сословий, плебс не включались в эту категорию. Аристотель через термин *optimates* рассматривал категорию “лучших” — элиту. Цицерон отдавал предпочтение аристократам духа. В современной учебной литературе по древней истории при рассмотрении института власти говорим о вариантах формы власти одного или избранных, или всей массы по правилам реальной демократии, но также без определения страт населения. Современный философский словарь включает термин “массы”, рассматривая его как “широкие круги населения, народ; массы все же противопоставляются элите”; сказано: массы — это не толпа.

Гегель говорил о духе народа, реализуемого через сознание, культуру, язык. Фейербах рассматривал класс как носителя материальных интересов. И все же XIX в. через исторические исследования и литературу привлек внимание к теме “массового общества”, “народные массы”, “восстания масс”, сосредоточил внимание на классе и классах, страстях населения, нации. Это ставит вопрос о массах как социальном и политическом субъекте. Обзорный доклад С. Легашова на тему “Субъекты

социальных фактов”, представленный в Википедии, напоминает о постановке Э. Дюркгеймом, классиком французской социологической школы, вопроса о массовом движении и массовом сознании. Поведение “достаточно больших масс индивидов” В.С. Немчинов рассматривал как объект больших чисел. В России проблема народа, стратификации населения получила наибольшее внимание в исторических исследованиях, в художественной литературе. Сословный строй государства получил оформление в начале XVIII в. — деление на привилегированных и податное сословие. В социальных слоях выделялись дворянство, вельможы, крепостное население. Например, Екатерина II в отзыве о книге Радищева “Путешествие из Петербурга в Москву” сказала: “Выискивает все возможное к... приведению *народа* в негодование против начальства и начальников”.

Наиболее полную структуру населения представил в своих работах по организации управления в России М.М. Сперанский. Постепенно в употребление входили такие термины, как “горожане”, “разночинцы”, “казачество”, “крестьяне” и т.п. Сегодня на первом плане внимания к структуре общества находятся такие категории феномена “массы”, как “народ”, “население”, “нация”, “этнос”, “социальная группа”, “индивид” (лицо, личность, субъект), “ассоциация” в информационном пространстве, общество, гражданское общество, общественное мнение.

Проблема социальной стратификации в полном ее смысле в истории управления и науки решалась, как видим, фрагментарно и применительно к условиям определенного времени и ситуаций. В настоящее время этот вопрос применительно к конкретному государству и всему народонаселению остается не определенным. Представляется возможным сказать, что “массы” — это *все население планеты, дифференцированное по различным признакам, но находящееся в системной связи целостности и единства земной популяции людей; это динамичная субстанция, определяющая (заполняющая) суть пространства и времени.*

Итак, объективными факторами, определяющими неизбежную трансформацию государственных и правовых институтов в национальных и глобальном масштабах являются рассмотренные константы. Информационное пространство имеет тенденцию к расширению в рамках планеты Земля и за ее пределами, а время катастрофически сужается, сжимается и требует ускорения процессов принятия и реализации решений. Третья же константа “массы” демонстрирует такую активность населения и его ассоциаций, которая меняет понятия

и суть демократии, гражданского общества, личности, прав человека и гражданина. Эти перемены и события дня не нуждаются в комментариях.

Проблемы институтов “государство” и “право” в ситуации объективных вызовов к упорядочению управления

Тема устройства современного и грядущего мирового порядка с начала XX в. и до наших дней является предметом науки, политики, футурологов, фантастов под влиянием усвоения достижений математики, информатики, кибернетики и результатов освоения новейших информационных технологий. Философы, политологи, политики, праведы, социологи и специалисты многих технических, естественных и гуманитарных наук озабочены тем, как меняются геополитическая и национальная системы организации жизни, как себя должен чувствовать, идентифицировать в этой ситуации человек.

Крупным планом проблема управления миром и судьба институтов государства может быть обозначена публикациями специалистов по геополитике, социологии, политике, праву. В этом ряду назовем работы Э. Тоффлера, Г. Киссинджера, Ф. Фукуямы, Дж. Локленда. Интересно проследить, как менялись некоторые позиции по названным предметам исследования за последние 10–15 лет. Отметим, что большое внимание специалистов Запада и Европы привлекает марксистский тезис об отмирании государства. Однако при этом умалчивается, что во времена XIX – начала XX в. вопрос ставился об отмирании не вообще государства, а того, которое является орудием власти капитала и буржуазной политики.

Панорама постановки вопроса о судьбе современного государства хорошо прослеживается на трудах американского исследователя Ф. Фукуямы, изданных в переводе на русский язык. Его работы “Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке” (2006) и “Угасание государственного порядка” (2017) демонстрируют смену акцентов раскрытия и смыслов института демократии и государственной власти. Уже в первой из них автор пришел к выводу, что проблема обсуждается “в отсутствии базовой концепции, охватывающей различные аспекты государственности, и в непонимании их связи с экономическим”². В основе его последнего исследования находятся такие институты, как “государство”, “закон”, “демократия”.

² Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке / Пер. с англ. М., 2016. С. 19.

Под девизом “политический порядок и упадок” Фукуяма рассматривает модели и масштабы развития модернизации с учетом таких параметров, как экономика, социальная мобилизация, идеи/законность, государство, главенство закона, демократия; модель модернизации без развития; взаимодополняемость и напряжение между политическими аспектами развития. Он подчеркивает, что с развитием современных коммуникационных технологий идеологическая диффузия, конечно, приобрела намного большую интенсивность. И одновременно отмечает, что “один из трагических аспектов человеческой истории состоит в том, что насилие является неотъемлемой частью политического развития и проявляется в разных формах: особенно это касается создания современных государств”³. Насилие, кроме конкуренции, часто необходимо, пишет он, для преодоления институциональной ригидности и политического упадка. Последний вариант наступает, когда политические акторы “врастают” в политическую систему и блокируют возможности институциональных изменений⁴. Обратим внимание на его конкретные свидетельства.

Напоминая о том, что в США модель закон – государство – демократия (Великобритания, Франция, Германия) реализовалась иначе, а именно: демократия – государство – закон, он говорит, что попытки во время “нового курса” построить в США административное государство европейского типа провалились, однако к середине XX в. более “сговорчивые” суды поменяли позицию в сторону растущего административного государства. Но, продолжает автор, американцы по-прежнему весьма подозрительно относятся к “большому правительству” и федеральным агентствам. Отмечая колоссальное расширение нормативной базы государства во второй половине XX в., Фукуяма пишет: “Конгресс постановил создать скопище аббревиатур (федеральных агентств типа комиссии по соблюдению равноправия при трудоустройстве, Агентство по охране окружающей среды, Управление охраны и безопасности труда и т.п.), но не пожелал однозначно делегировать новым органам полномочия нормотворчества и права принуждать к выполнению законов”⁵, аналогичные права европейских и японских государственных учреждений”. Он напоминает,

³ Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. Науч.-популяр. изд. / Пер. с англ. К.М. Королева. М., 2017. С. 601.

⁴ См.: там же. С. 603.

⁵ Как не вспомнить аналогичную волну перестройки советского и позже российского аппарата и последствия, которые ощущаются в организации управления по сей день.

ссылаясь на политолога Р. Шеп Мелика, что федеральным судом был переписан раздел Закона о гражданских правах (1964), что “превратило слабый закон, ориентированный в первую очередь на преднамеренную дискриминацию, в жесткий свод правил компенсации за дискриминацию в прошлом”. Фукуяма говорит и о том, что “вместо того чтобы обеспечить федеральную бюрократию надлежащим правом действовать, республиканцы в сенате совершили решающий шаг., приватизировав, по сути, прокурорские функции”, что породило количество частных исков в разы и увеличило расходы на адвокатов вшестеро⁶. Обращаясь к проблеме субъективных прав человека, он пишет: “Индивидуальные права – свобода слова, свобода собраний, свобода критики и право участвовать в политике – означают признание государством достоинства своих граждан”. Рассуждая о “модели будущего”, задает вопрос: «Означает ли присутствие следов политического упадка в современных демократиях, что как таковая модель сбалансированного управления, “уравновешивающая” государство, закон и представительство, порочна по своей сути?». И отвечает: безусловно, нет. Все общества – авторитарные и демократические – подвержены упадку с течением времени. Реальная проблема заключается в их способности адаптироваться и в конечном счете исправить ситуацию. Я, указывая Фукуяма, не верю в наличие системного «кризиса управляемости “в либеральных демократиях”... Демократическая политическая система часто медленнее реагирует на нарастание трудностей, чем авторитарная, но когда это происходит, нередко она действует более решительно, на основе широкого консенсуса»⁷.

Фукуяма показывает, что неспособность управлять эффективно затронула и Соединенные Штаты Америки. Он достаточно убедительно прослеживает этот вопрос. Но его труд “Угасание государственного порядка” важен и для понимания общего глобального процесса трансформации институтов управления: государства, закона, представительств в условиях XXI в.⁸ Заметим, что исследование британского ученого и журналиста Дж. Локленда⁹ затрагивает те же проблемы – оценка состояния и перспективы в масштабе Европейского континента. Автор, вскрывает недуги и остроту информационных войн, рассматривает

государство как основной фактор в миротворческой деятельности, проблему прав человека и национального суверенитета, дает критический анализ действий ЕСПЧ, установку на ориентацию лозунга о “едином информационном пространстве”, где для государства уже не будет пространства¹⁰. Дж. Локленд приходит к выводу, что государство есть важнейший институт социума и отвергает идею формирования наднациональных структур управления.

Для исследований процессов трансформации институтов государства, права, демократии (поведения масс и судеб гражданского общества, человека) сегодня характерны два обстоятельства: внимание к концепту “время” – оценка состояния социума и его институтов с учетом истории государств и эволюции правовых механизмов; внимание к терминологии и раскрытию смысла понятий с учетом новых вызовов. Наблюдаем трансформацию и научного, и политического понятийного аппарата (“индустрия прав человека”, “государственное строительство”¹¹ в современном контексте, “сила и мощь” применительно к государственной власти, “гражданское общество и гражданская ответственность”, “клиентелизм” и т.д.). Особый вопрос: как оцениваются факторы изменения самого социума, как институты государства, права проявляют себя в условиях Интернет-технологий и как воздействуют на формирование нового порядка управления? Большинство исследователей косвенно учитывают состояние массовых коммуникаций. Но в этом плане работа Г. Киссинджера пока остается единственной, которой поставлен вопрос об информационных технологиях как факторе, бесповоротно влияющем на парадигмы развития социума и его институтов¹².

Оценивая зарубежные и отечественные работы по рассматриваемой теме, можно сказать, что трансформация института “государство” испытывает воздействие двух исторически обусловленных причин: *естественной эволюции* под влиянием развития техники, смены типов производства, научного потенциала, с одной стороны,

⁶ См.: там же. С. 531, 532.

⁷ Там же. С. 612.

⁸ Более подробный анализ этой работы Ф. Фукуямы нами рассматривается в публикации, специально посвященной его новой книге.

⁹ Локленд Дж. Деформированная Европа. М., 2016.

¹⁰ См.: там же. С. 172, 179 и др.

¹¹ Фукуяма подчеркивает, что “важнейший урок американского опыта состоит в том, что государственное строительство является прежде всего политическим актом... Государственное строительство – тяжелая работа, занимающая много времени” (см.: Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. С. 248, 249).

¹² См.: Киссинджер Г. Мировой порядок / Пер. с англ. В. Желнинова и Милокова. М., 2015. См. также: Бачило И.Л. Читая Генри Киссинджера: Информационное общество, Интернет как факторы формирования мирового порядка // Евразийский юрид. журнал. 2015. № 7. С. 232–235.

и геополитических сдвигов – с другой. Именно эти процессы требуют учета влияния множества факторов и часто – революционной смены организации системы политической власти и нарастающих вызовов глобальной информатизации.

В современной реальности эти направления реализуются синхронно, но смена систем управления и организации власти часто рассматривается без учета концепта времени и вызовов цифровой эпохи развития социума XXI в. Проблема в том, что *система институтов управления пока еще живет в режиме сложившейся ранее геополитической системы государств, системы их взаимодействия на площадке международного права*. Процессы принятия решений на международном и национальном уровне, а также на уровне конкретного местного управления не поспевают за сменой процессов, явлений и событий в научно-техническом развитии. Время диктует поворот мысли и действий, организующих системы бытия общества на парадигму: завтра-сегодня, на предвидение динамики. Пока же наблюдения за поворотами “руля управления” на всех уровнях жизнедеятельности общества, в том числе и участия науки и всей системы знаний в этих процессах, желают лучшего.

Взгляд на проблему через призму информационного права России

Проблема трансформации институтов “государство” и “право” – глобальная, а подходы к ее решению – дело всей системы знаний и специальных гуманитарных дисциплин. Исследование процессов развития информационного (цифрового) общества и его правовой специфики сосредоточено в определенной мере в системе отрасли информационного права. Глобализация информационных процессов изменяет не только параметры измерения динамики жизни социума и его институтов, но и формирует для правовой науки и практики угрозы: неоправданная спешка выхода за пределы ИСТОРИИ, потеря связи с корнями развития цивилизации, пренебрежение разнообразием культур и традиций стран, народов, государств.

Центральная идея Стратегии развития информационного общества в России до 2030 г. обозначена как формирование общества “ЗНАНИЯ”. Тенденции поспеть за новым и не потерять базовых, корневых начал феномена “Право”, значения правосознания и принципов справедливости, истины требуют особого внимания к правовой науке, политике, к процессу и процедурам законотворчества и правовой культуры в целом.

Концептуальные вопросы развития информационного общества и соответствующего законодательства, развиваемые Институтом государства и права РАН, идут в русле реальных процессов и подвижек в социуме страны и нашли некоторое подтверждение в разработке Доктрины информационной безопасности (ред. 2017 г.) и Стратегии развития информационного общества. Новый этап развития информационного общества, проблема, поставленная сектором информационного права ИГП РАН уже в 2014–2015 гг., учитывает необходимость интеграции информационных ресурсов и выход на горизонт их рационального применения – использования ресурса интеграции ЗНАНИЙ. Внимания требуют такие направления деятельности, как:

1) интенсификация использования ИТ при усилении отечественной системы программирования информационных процессов и отношений с учетом парадигм развития государства, потребностей институций общества, человека; использование информационных ресурсов с учетом задач, функций в системе публичного управления и потребностей институтов гражданского общества;

2) информатизация инфраструктуры государственной и публичной власти на основе классификации функций государства в целом и системы органов власти на всех уровнях, балансирование полномочий функциональной деятельности всех структур управления и контроля; определение правовой природы института “электронное правительство” (управления) и порядка взаимодействия ОГВ и ОМСУ на основе политики государственного управления, включающей и такую проблему, как создание технологической основы в области экономики и социальной сферы;

3) обеспечение нового уровня развития безопасности общества, государства, личности и совершенствование законодательства в области правового обеспечения информационной безопасности;

4) переход на стратегическое планирование под контролем высших органов государственной власти.

Важнейшим блоком работ является область правового обеспечения информационной безопасности с учетом Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Здесь решаются вопросы не только информационно-коммуникационных отношений на основе Интернет-технологий, но и во всем современном социально-политическом пространстве жизни страны и общества. На первом плане такие проблемы, как развитие правовой основы обеспечения безопасности применения ИТ и информационных ресурсов;

закрепление и признание суверенного права России на самостоятельное регулирование своего информационного пространства в Интернете; запрет использования сети Интернет в военных целях и как средства поражения сознания человека; разработка норм международно-правового регулирования безопасного и устойчивого взаимодействия государств, развитие моделей партнерства.

Проблемы правового обеспечения информационной безопасности в планах НИР ИГП РАН являются базовой основой исследования процессов развития современного общества как информационного (цифрового). Деятельность таких организаций, как ИНФОФОРУМ, работа вузовских специалистов, проведение ежегодных международных конференций по проблемам информационной безопасности подтверждают важность этого направления информационной и правовой науки и практики. Обозначенные выше проблемы находят отражение в исследованиях в области информационного права. Отметим трактовку информационного общества как общества гражданского, социального, демократического, правового и информационно безопасного. С этих позиций должны рассматриваться подходы к развитию информационного законодательства. Это – основные индикаторы для формирования отрасли правовой системы Российской Федерации. Следует отметить, что сделано уже не мало. Однако на этом пути лежит слабо упорядоченная система нормативно-правового регулирования отношений в условиях развития информационного общества. Это определяет внимание специалистов к систематизации законов Российской Федерации в этой области. В ИГП РАН с 2013 г. ведется работа по концепции Информационного кодекса. В основу систематизации и кодификации законодательства положен институциональный подход¹³.

Архитектура кодекса предполагает выделение таких общих для отрасли институтов, как цели и принципы правового регулирования; установление правового статуса участников отношений в информационной сфере; упорядочение базового понятийного аппарата в информационном праве. Для структуризации особенной части кодекса предложены три (пока три) суперинститута, получающие развитие в конкретных институтах и субинститутах правового регулирования отношений. Выделены такие суперинституты, как

информационные технологии и информационные ресурсы; реализация общих и субъективных прав субъектов в информационной сфере, включая Интернет; правовое обеспечение информационной безопасности. Первоначальный вариант подхода к концепции Информационного кодекса получил отражение в публикациях и материалах конференций по этому вопросу¹⁴. В ИГП РАН также проводится большая работа по упорядочению понятийного аппарата в информационном праве, по проблемам правового обеспечения информационной безопасности¹⁵.

Возможны и некоторые прогнозы влияния информационного права на изменения в общей правовой системе. Через призму информационного права и других комплексных отраслей (экологического и энергетического) права просматриваются тенденции изменений большего масштаба. Обсуждаются вопросы формирования суперотрасли гуманитарного права. Это свидетельствует о том, что правовая система Российской Федерации, включающая более 30 отраслей права, реагирует на изменения, которые происходят в жизни общества. Нарезка отраслей права и законодательства, подобная параллельным дорожкам на спортивном стадионе, меняется – и не только по числу отраслей, но и под влиянием внимания к отношениям по ресурсному признаку потребностей реальной жизни (экология, энергетика, информация, экономика, институты гражданского общества). Представляется, что в процессе возникновения новых комплексных отраслей возможно изменение ролей и базовых отраслей права – гражданского и административного. По нашему мнению, на смену могут прийти такие отрасли, как “Право собственности и экономического развития”; “Право публичного управления” вместо административного права; можно предвидеть комплексную отрасль “Правовые основы субъективных прав и ответственности человека и гражданина”, что значительно повлияет на структуру социально-экономического развития, на судьбу развития административной юстиции.

Особого внимания требуют проблемы методологии исследования информационных процессов и потенциала правового регулирования¹⁶. В этой части сектором информационного права ИГП РАН

¹³ См. работы Т.А. Поляковой, П.У. Кузнецова, Э.В. Талапиной, А.К. Жаровой, А.А. Антопольского, В.Б. Наумова, Г.Г. Шинкаревой в разделе “Информационное общество и информационная безопасность” (см.: Труды ИГП РАН. 2016. № 3).

¹⁴ См.: Концепция Информационного кодекса Российской Федерации. М., 2014; Систематизация и кодификация информационного законодательства. М., 2015.

¹⁵ См.: Новые вызовы и угрозы информационной безопасности: правовые проблемы. М., 2015.

¹⁶ См.: Бачило И.Л. Тезисы доклада “Информационное право в структуре правовой системы России”, 2017 // Сайт ИГП РАН.

разрабатываются модели применения *инструментально-правового подхода* к оценке эффективности применения *информационно-правовых регуляторов в условиях нарастания проблем правового обеспечения информационной безопасности*; вопросы пакетного правового регулирования организации публичного управления. Опубликованы результаты НИР по этой проблеме, содержащие ряд организационно-правовых рекомендаций¹⁷. Названные и иные проблемы исследований в области использования информационных технологий остро нуждаются в развитии межотраслевого взаимодействия в правовой системе Российской Федерации; взаимодействия со смежными науками: философией, социологией, – другими гуманитарными направлениями ЗНАНИЙ, в понимании проблем методологии научных исследований.

Немного о подходах к исследованию институтов “государство” и “право” в теории российского права в целом

В области теории государства и права внимание к проблеме трансформации институтов “государство” и “право” заметно оживляется. Рискую оказаться на “острие ножа”, так как межотраслевое общение специалистов права отдельных отраслей как бы самостоятельных не стало традицией, все же важно отслеживать реакцию теоретиков на смену парадигм объективного значения для социума XXI в. Этот вопрос требует специального внимания. В данном случае лишь отметим публикации на страницах журнала “Государство и право”, где только за первое полугодие текущего года опубликован ряд интересных и полезных работ.

Некоторый итог оценки состояния правовой теории отражен в статье заместителя зав. Центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ Ю.А. Тихомирова. Он убежден, что мы переживаем период “правового хаоса”. Поток нормативной регуляции, в котором переплетаются международные, интеграционные, национально-государственные, отраслевые, локальные нормы, ориентированные на верховенство права, правовое государство, авторитет международного права, пока не дает необходимого эффекта и удовлетворения воздействия права на общественные процессы в стране и в мире¹⁸. Необходимы методы анализа и оценки в процессах централизации, децентрализации,

деконцентрации во избежание превалирующего ситуационного правового регулирования. “Право развивается, право расширяется, право везде присутствует, но оно реально рушится”¹⁹. Совет Европы в марте 2016 г. представил разработку “контрольного списка верховенства права” как основу исследования современных процессов в праве. Схема конституционного мониторинга в Европе предусматривает более 300 вопросов, разбитых на тематические блоки, замечает Ю.А. Тихомиров.

Определяя прогнозы, модели, реальные процессы, он выделяет 10 векторов развития права. Они включают: расширение правовой регуляции и вектор отклонения; многослойность регуляции в цепи актов и норм, создающих “паутину”, но не систему; согласование и конфликт; норма или поведение; “невидимый вектор” право в других социальных нормах (политические, нравственные, религиозные, корпоративные и др.); масштабы институализации структур и институтов на всех уровнях жизни общества; вектор давления и насилия; влияние национального права на международные акты. На вопрос: что делать и в чем новизна? – автор касается проблем понимания сути и назначения современного права, возможности формирования суперправа – метаправа, в теории – формирования макроправа (доктрины и т.п.); теории правового регулирования и теории правоприменения; сравнительного правоведения; юридической конфликтологии. Ю.А. Тихомиров напоминает слова В.Д. Зорькина: «Пророчества о “затухании” и “растворении” права вряд ли оправданы». Специалисты теории права и других отраслей должны действовать²⁰.

Одновременно важная мысль: “В последнее время некоторые ученые вырабатывают лозунги цифрового, информационного, коммуникативного, сетевого права. Но это скорее образы разных граней права как явления”²¹. Заметим, что отрасль информационного права существует (и не только как “лозунг”) на протяжении 20 лет. И это бесспорное доказательство наличия такой грани права, как явления. Такой вектор, как “норма или поведение”, теория правового регулирования и теория правоприменения, отмеченные Ю.А. Тихомировым, как раз и занимают основное место в системе информационного права.

Не менее сложно обстоит дело и с определением сущности современного государства. Дискуссионная статья В.Е. Чиркина предусматривает подход,

¹⁷ См.: Систематизация и электронное кодирование функций и полномочий в системе публичного управления / Под ред. И.Л. Бачило, М.А. Лапиной. М., 2016.

¹⁸ См.: Тихомиров Ю.А. Право в современном мире: векторы развития // Гос. и право. 2017. № 5. С. 5–10.

¹⁹ Там же. С. 6.

²⁰ См.: там же.

²¹ Там же. С. 9.

согласно которому система власти в России может быть представлена (а автор считает, что так и есть) в дуализме собственно *государственной власти* федерального уровня и органов *публичной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных органов местного самоуправления*²². Рассуждения о двух видах и уровнях власти в данном случае сомнительны. Более точная позиция относительно восприятия термина “публичная власть” состоит в учете большей гласности, открытости, контактов с населением и учета мнения общественности применительно ко всем уровням системы государственной власти России. И это в информационном праве, да и в целом в гуманитарной науке выражается в исследовании состояния гражданского общества, форм развития демократии.

Более точное выражение развития гражданского общества и его воздействия на структуру и суть

²² См.: *Чиркин В.Е.* Разновидности публичной власти и ее социальные и юридические источники // *Гос. и право.* 2017. № 5. С. 11–20.

власти находим в статье В.А. Черепанова о построении системной модели Российского государства²³. Представляет несомненный интерес и новая книга А.Д. Керимова и И.Н. Куксина “Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса”, а также опубликованная на нее в журнале “Государство и право” рецензия В.В. Красинского²⁴. Приводим эти примеры лишь для иллюстрации активности к проблеме современного государства и разброса мнений по поиску более точного определения его природы. Это лишь подтверждает значимость проблемы трансформации институтов “государство” и “право”, требующей комплексного внимания правовой науки сегодня.

²³ См.: *Черепанов В.А.* О построении системной модели Российского государства // Там же. 2017. № 3. С. 15–25. См. также: *Малько А.В., Кроткова Н.В., Ишеков К.А.* Правовая политика в субъектах Российской Федерации (Обзор Международ. практ. конф., которая проходила в форме “круглого стола”, журналов “Государство и право” и “Правовая политика и правовая жизнь”) // Там же. С. 105–119.

²⁴ См.: *Красинский В.В.* Современный взгляд на сильное государство // Там же. 2017. № 5. С. 122, 123.